
СОКРУШИТЕЛЬ ПУГАЧЕВА,

Илецкій Казакъ

ИВАНЪ.

(Оренбургская повесть).

Прекрасный Майскій день приближался къ вечеру. Послѣдніе лучи заходящаго солнца, быстро пробѣжавъ по куполу прибрежнаго Золотаго Собора, мгновенно умерли въ неизмѣримомъ пространствѣ воздуха. Сердшныя волны Урала упоминись и упишили ревъ свой. Огромныя пѣни расшущихъ на лѣвомъ берегу рѣки вѣковыхъ вязовъ, шрепещущихъ осинъ и печальныхъ осокорей—улеглись на поверхности водной, и напоминали собою баснословныхъ ги-

ганшовъ. Любимецъ весны, легкокры-
 лый въсперѣкъ, рѣзвась , перелеталъ
 изъ куста въ кустъ, и увивался око-
 ло бѣлыхъ ландышей и душистыхъ
 дубравокъ. Дикій и пронзительный
 крикъ галокъ и грачей, шарниныхъ
 и всегдашнихъ обитателей прибреж-
 ной роши , раздавался въ воздухъ, и
 перзалъ слухъ Оренбургскихъ жише-
 лей. Въ отдаленіи свистѣлъ любя-
 мецъ и пѣвецъ природы, соловей, ко-
 шорый, къ сожалѣнію , рѣдко , очень
 рѣдко посѣщаетъ здѣшнія пустын-
 ныя мѣста. Наконецъ шумъ и крикъ
 смѣнились совершенною тишиной :
 самые величайшіе крикуны изъ га-
 локъ и грачей умолкли и задремали
 въ своихъ гнѣздахъ. Любитель мра-
 ка, филинъ, отправился на ночную
 добычу и, какъ предвѣстникъ зло-
 счасія , угрожавшаго Оренбургу,
 свѣлъ на самый верхній крестъ Зе-
 ленаго Собора, и громкимъ зуканьемъ

огласилъ воздухъ. Изрѣдко раздавался окликъ часовыхъ, споявшихъ на крѣпостныхъ бастіонахъ. Сводъ темноголубаго неба горѣлъ безчисленнымъ множествомъ звѣздъ. Луна печально плыла въ воздухъ; серебряные лучи ея падали на каменную стѣну, окружающую Оренбургъ и напоминающую незабвеннаго Неплюева. На форшпашской церкви Св. Георгія зазвучалъ колоколъ. . . . „Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать. Двѣнадцать часовъ! Какъ скоро пролетѣло время; смотри пожалуй, ужъ наступила полночь!“ вскричали Иванъ и Дарья, которые спояли у воротъ одного изъ форшпашскихъ домиковъ, и тихо между собою разговаривали. „Полночь,“ повторили они: „а мы не успѣли еще наговориться!“ . . .

Дарья. Ахъ, Иванъ, намъ время

разстаться. И ты видишь въ Яицкѣ (*) непременно?

Иванъ. Непременно.

Дарья. Да какая причина понуждаетъ тебя туда ѣхать?

Иванъ. Какая причина? Ужели ты не знаешь, Даша, что въ Яицкѣ находишься православный Русскій Царь?

Дарья. Едва ли это правда. Въговоряшь, что Русскій Царь давно уже скончался, а въ Яицкѣ находишься какой-то бродяга, котораго обманываютъ народъ и ложно называютъ себя Царемъ. Лучше, Иванъ, не ѣдь!

Иванъ. Нѣтъ, Даша; ѣду, непременно ѣду. Если я найду въ Яицкѣ обманщика, то немедленно возвращусь въ Оренбургъ; если же тамъ находишься настоящій Царь, то я послужу ему вѣрою и правдою, и,

*) Яицкомъ назывался прежде городъ Уральскъ.

Бышь можешъ , успѣю дослужинься до хорошаго чина.

Дарья. У тебѣ шолько чины на умъ; да чшо за польза въ эшихъ чинахъ? Ужели опъ чина тебѣ прибудешъ ?

Иванъ. Я желаю себѣ чина шолько для того , чшобы тебѣ сдѣлать го-спожею.

Дарья. Нѣшъ; получивши хорошій чинъ , ты забудешъ меня , милый Иванъ !

Иванъ. Недумай эшого , Дашенька! Вошъ передъ нами церковь Божія; клянусь Св. Георгіемъ , я никогда тебѣ не забуду; ты мнѣ всѣхъ милѣе и всего дороже !

Дарья. Незнаю , у меня чшо-шо сердце ноешъ безпрешанно. Вѣрно ожидаешъ насъ чшо нибудь худое! Съ шѣхъ поръ ; какъ ты задумала ѣхашъ въ Яицкъ , мнѣ каждую ночь видяшся самые страшные сны. Меня

часто давитьъ домовой, и каждый
 разъ, когда я спрошу его : къ добру
 или къ худу ? онъ глухимъ , сипова-
 шымъ голосомъ ошвѣчаетъ : къ худу !
 Вошъ четыре ушра сряду у насъ
 пѣла курица : а это , пы самъ зна-
 ешь , предвѣщаетъ какое нибудь боль-
 шое несчастіе . Я прошедшаго дня
 была въ роцѣ , памъ услышала го-
 лось кукушки , спросила ее : сколько
 лѣтъ оспалось мнѣ жишь на бѣломъ
 свѣтѣ ? и она прокукувала одняъ
 только разъ . Ахъ ! милый Иванъ , съ
 нами непремѣнно случится что ни-
 будь худое . Знаешь ли , четвершаго
 дня филинъ цѣлую ночь проедѣлъ
 на кровлѣ нашего дома ; а прешьяго
 дня зловѣщій воронъ прилешѣлъ и
 сѣлъ на спавснѣ нашего окошка :—
 все это не къ добру ! Какъ хочешь
 думай , любезный Иванъ , а намъ угро-
 жаетъ злое несчастіе ; съ нами слу-
 чншся какая нибудь шаякая бѣда !

Иванъ. Некручинься, милая Даша, чаще молись Богу: Господь сохранишь васъ отъ всякой бѣды, отъ всякаго несчастія.

Дарья. И такъ прости, любезный Иванъ: я боюсь, какъ бы меня не хвашилася машушка!

Иванъ. Прости, душа моя Дашинька.

Дарья. Даѣ Богъ тебѣ счастливаго пуши.

Иванъ. А тебѣ даѣ Богъ добраго здоровья, и чшобы шы безъ меня не скучала и вѣрила, чшо я никогда тебѣ забуду. Прости, милая!

Любовники простились и разошлись. Иванъ съ глубокимъ вздохомъ пошелъ домой, а Дарья заперла за собою калитку, и оперла горячія слезы, которыя по румяному и полному лицу ея капались градомъ.

Кшо таковъ Иванъ? Кшо шакова Дарья? Иванъ—Илецкій Казакъ, при-

численный къ Оренбургскому войску, сынъ урядника Творогова, прекрасный двадцатилѣтній мужчина; неученый, необразованный, но ошь природы умный, пылкій и честолюбивый, Дарья — предесшная шесшнадцатилѣтняя дѣвушка, дочь вдовы, жены Оренбургскаго Хорунжаго Бавина, скромная, тихая, милая. Болѣе года уже прошло, какъ Иванъ и Дарья полюбили другъ друга; но любовь ихъ была младенческая; чистая, невинная, свяшая. Всѣ желанія ихъ состояли въ томъ, чшобы чаще видѣться, чаще погорить другъ съ другомъ. Иванъ увѣрялъ Дарью, чшо онъ скоро на ней женится; Дарья ошь души, ошь сердца вѣрила Ивану, и заранѣе почиала себя счастливою... Но шуча мрачныхъ горестей невидимо собиралась надъ головою бѣдной дѣвушки!..

По наступленіи ушра, Иванъ осад-

лалъ вѣрнаго коня своего, и, вооружась саблею, пикою и ружьемъ, отправилъ ся въ Яицкъ, искашь счастія. Бѣдная Дарья, разлучась съ нимъ, посковала, печалилась, каждое воскресенье ходила въ молельню (*), и тамъ съ чистую душой умоляла Всевышняго о ниспосланіи счастія милому ея другу.

Благословенные берега тихаго Дона были свидѣтелями рожденія такого челоуѣка, который, впоследствии времени, забывъ законъ Всевышняго, явился преступникомъ передъ Самимъ Творцемъ небеснымъ; презрѣвъ присягу, данную Государю, сдѣлался не только измѣнникомъ, но, покинувъ священное имя Монарха, спалъ возмущителемъ народа, виновникомъ ужаснѣйшихъ бѣдспій и кровавыми губителемъ множества невин-

*) Молельнею называется часовня старообрядцевъ.

ныхъ людей; нарушивъ обязательство передъ опечествомъ, оказался врагомъ ему и злодѣемъ, а разрушивъ всѣ права естественныя передъ чело­вѣческимъ родомъ, сдѣлался врагомъ всѣму роду чело­вѣческому (*). Я говорю объ извѣсномъ извергѣ Пугачевѣ (**). Опець сего злодѣя былъ Донской казакъ Зимовѣйской спаницы, (***) Иванъ Измайловъ Пугачевъ, ко-

(*) См. сеншенцію, заключенную по дѣлу изверга Пугачева 1775 года Января 9 дня, кошорая была публикована во всеобщее свѣдѣніе.

(**) При описаніи злодѣйствъ, помини и казни Пугачева сочинилель сей Повѣсти руководствовался Русскою Исторією С. Н. Глинки, оффиціальными бумагами, рассказами Оренбургскихъ старожиловъ, сеншенцією, оффиціальнымъ описаніемъ дѣяній Пугачева, и неизнеописаніемъ Генералиссимуса Графа Суворова.

(***) Сія спаница названа Зимовѣйскою въ книгѣ: Ложный Петръ III, или жизнь, характеръ и злодѣянія бунтовщика Емельки Пугачева.

порый между поварищами своими пользовался особеннымъ уваженіемъ. Въ то время, когда безсмертный Петръ бросалъ бранные перуны въ дерзновеннаго Карла, Измайловъ сражался на поляхъ Полшавскихъ, какъ храбрый казакъ, какъ истинный сынъ опечества. Возгорѣлась новая война: Россійскій Орелъ мощными когтями своими началъ сжимать рога Турецкой луны—и мужественный Измайловъ снова явился на полѣ брани. Храбросшь, незнающая границъ, или, лучше сказашь, дерзновенная запальчивость, доспавила возможность Туркамъ схватить Измайлова, и увести въ плѣвъ. Побѣгъ возвратилъ ему свободу; онъ снова явился въ войско, снова сражался прошивъ поклонниковъ Магомета, и палъ на полѣ бишвы. Послѣ

гачева,—напечатанной въ Москвѣ 1809 года, а въ Русской Исторіи С. Н. Глинки она наименована Замовянскою. Кошорое изъ сихъ названій справедливо,—я рѣшишь немому.

него остался сынъ, Емелька Пугачевъ, подѣ присмотромъ развратной матери и безпечнаго дяди. Природа наградила Емельку стройнымъ, мужественнымъ станомъ, красивымъ лицомъ, проницательнымъ взоромъ, острымъ умомъ и геройскимъ духомъ. Но худое воспитаніе и дурныя примѣры испортили добрыя качества Пугачева. Онъ, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, женился на дочери Донскаго казака Димитрія Никифорова, Софья, съ кошковою прижилъ трехъ дѣтей, одного сына и двухъ дочерей. Потомъ Пугачевъ служилъ во время семилѣтней войны, и находился при взятіи Бендеръ, гдѣ оказалъ отличіе за колпорое получилъ чинъ Генерала, но, почитая себя мало награжденнымъ, оставилъ родину, мать, дядю, жену, дѣтей и бѣжалъ въ Польшу; тамъ скидался между раскольниками, свелъ знакомство съ бѣглымъ гренадеромъ Алексѣемъ Семеновымъ,

и пишался мірскимъ подаяніемъ. Изъ Польши перешель Пугачевъ въ Малороссію, потомъ удалился въ Уральскъ. Опасаясь заслуженнаго наказанія и узнавъ междоусобное несогласіе Уральскихъ казаковъ, Пугачевъ спарался подговорить ихъ бѣжать на Кубань; причемъ обѣщаль имъ большія выгоды. Побудительною причиною къ сему подговору было предположеніе Пугачева, что казаки, согласясь бѣжать, изберуть его своимъ ашаманомъ, почему онъ можетъ съ ними начать разбой, и, хотя на нѣсколько времени, укрѣпясь ошъ помки. Но безумное предположеніе Пугачева немѣло успѣха: онъ былъ пойманъ Дворцовой волости въ селѣ Малыковкѣ и ошправленъ въ городъ Симбирскъ, а оштуда ошвезенъ въ Казань. Здѣсь Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ, судился и былъ приговоренъ къ ошсылкѣ въ Сибирь; но, познакомясь съ раскольничьимъ попомъ,

и подговоривъ караульнаго солдата, бѣжалъ (*), и снова явился къ Уральскимъ казакамъ, во множествѣ находившимся при Камышь-Самарскомъ озерѣ. Здѣсь честолюбивый злодѣй возымѣлъ самые дерзкіе, самые безумные замыслы, и торжественно объявилъ себя Императоромъ Петромъ Третьимъ. Легковѣрные Уральцы повѣрили Пугачеву, и вездѣ старались распространять слухи, что онъ дѣйствительный Государь. Основываясь на этомъ слухѣ, простой народъ каждодневно спекался къ самозванцу шолпами, и предлагалъ ему свои услуги. Главные любимцы Пугачева, казаки: Аѳанасій Перфильевъ, Иванъ Чика, Максимъ Шигаевъ, Василій Плошниковъ, Денисъ Караваневъ, Григорій Закладновъ и другіе, приняли на себя имена первосщепен-

(*) Сей побѣгъ учиненъ Пугачевымъ 19
Юня 1773 года.

ныхъ Русскихъ вельможъ. Хитрый Пугачевъ, притворясь смиреннымъ, увѣрялъ своихъ приверженцевъ, что онъ желаетъ возвратишь престолъ не собственно для себя, но для Наслѣдника; самъ же имѣетъ намѣреніе удалиться въ Филаретовскій скитъ, чтобы тамъ посвященіи остатковъ дней своихъ набожності и уединенію. Желая болѣе привлечь къ себѣ Уральцевъ, Пугачевъ увѣрялъ ихъ, что они составляютъ самое лучшее войско въ Россіи; что, по возвращеніи престола, онъ предоставитъ имъ самыя значившія выгоды, и что почтивъ храбрыхъ казаковъ, намѣренъ всшупитъ съ ними въ родство, дабы доказать цѣлому свѣту любовь и уваженіе, которыя онъ питаетъ къ знаменитому казацкому войску. Въ самомъ дѣлѣ, коварный Пугачевъ успевалъ въ своемъ словѣ: по любви, или по какимъ либо расчетамъ, онъ женился на дочери Уральского казака

Петра Кузнецова, Устинъ (*), и приказалъ своимъ приверженцамъ почитать ее настоящею Императрицею.

Искатель счастія, Иванъ, благополучно прибылъ въ скопищъ злодѣя Пугачева, и старался развѣдать, кто шаковъ эшотъ чловѣкъ: самозванецъ или настоящій Царь? Всѣ казаки увѣряли Ивана, что Пугачевъ не обманщикъ, не самозванецъ, но дѣйствительный Императоръ Петръ III, и что его многіе изъ нихъ коротко знаютъ: ибо видали въ Пешербургѣ въ то время, когда онъ былъ еще на престолѣ. Простодушный и неопытный Иванъ повѣрилъ словамъ обманщиковъ, и горѣлъ желаніемъ, какъ можно скорѣе вступишь въ службу мнимаго Царя, чшобы нещадить для

(*) Самовидцы рассказываютъ, что сія дѣвушка была перѣйшая красавица изъ всего Уральска.

него ни крови, ни жизни. Нѣкоторые изъ Уральцевъ предсхавили неперпѣливаго Ивана къ варвару Чикѣ, называвшемуся Графомъ Чернышевымъ. Сей злодѣй, выслушавъ и одобривъ желаніе молодаго казака, отвелъ его къ самому Пугачеву, который, увидя нашего героя, спросилъ съ казацкою важностію: кто онъ шаковъ и чего хочешь? Иванъ, рѣшительно починая Пугачева Царемъ, съ большимъ подобострастіемъ ошвѣчалъ, что онъ Илецкій казакъ, пріѣхалъ изъ Оренбурга нарочно для того, чтобы послужить Его Величеству върою и правдою до послѣдней капли крови, и что онъ почтетъ себя чрезмѣрно счастливымъ, если удостоится вступитъ въ службу православнаго Царя Русскаго. Ошвѣтъ и прекрасный видъ Ивана совершенно понравились Пугачеву, который велѣлъ привести его къ присягѣ, поздравилъ съ чиномъ Есаула, и оставилъ при

себѣ Адьюшантомъ. Какая радость, какое восхищеніе для честолюбиваго Ивана! Ему неприходило въ голову, что онъ, посвятивъ себя на службу не Царю, но обманщику и величайшему злодѣю, самъ содѣлался важнымъ преступникомъ противъ законовъ и противъ ошечества. Говоряшъ, что радость, сколь ни пріятна сама по себѣ, но еще дѣлается пріятнѣе, когда ешь съ кѣмъ раздѣлить ее. Такъ точно и обрадованный Иванъ желалъ раздѣлить свою радость: онъ поспѣшилъ отправить письмо къ милой Дашѣ, которымъ увѣдомилъ ее о своемъ счастьи и увѣрялъ, что нашелъ не обманщика, не самозванца, а настоящаго Русскаго Царя, который чрезмѣрно добръ, чрезмѣрно милосивъ; почему онъ будетъ служить Его Величеству, нещада живота своего, и современемъ надѣется дослужиться до значнаго чина; тогда - то поспѣшитъ

явисься къ милой Дарьѣ и предложить ей свою руку. Дарья получила это письмо въ воскресенье, и, слушая его, проливала слезы. Влюбленные никому и ничему столько не вѣрятъ, какъ другъ другу и тому, чего желаютъ. Дарья повѣрила Ивану, что онъ вступилъ въ службу не къ обманщику, а къ истинному Государю; она радовалась счастію своего возлюбленнаго, и желала, чтобы милый Иванъ, какъ можно скорѣе, возвратился въ Оренбургъ и сдѣлался ея мужемъ. Желаніе самое невинное, самое естественное въ такой дѣвушкѣ, коей наступила уже семнадцатая весна—то роковое время, въ которое сердце каждой красавицы начинаетъ биться сильнѣе, начинаетъ напоминать о потребностяхъ—любить. Обрядованная Даша тотчасъ надѣла на себя праздничный гранитуровый сарафанъ, обложенный золошою съш-

кою и широкими позуменшами, съ серебряными напереди пуговицами и на голову повязала богатую ленту, убранныю крупнымъ жемчугомъ и составляющую самое лучшее украшеніе казацкихъ дѣвушекъ. Потомъ она отправилась въ молельню и, во все время Богослуженія, думала объ одномъ только Иванѣ, молилась за одного только Ивана, желала счастья одному только Ивану. Съ этого времени милая Дарья начала считать себя счастливою: она забыла мучительную шпску; поблѣднѣвшее лице ея снова покрылось розами; унылыя взоры заблестали прежнимъ огнемъ; румяныя уста оживились прежнею улыбкой; высокая, полная грудь начала препетать по прежнему. Она разлюбила уединеніе, спала посѣщая хороводы, веселилась со своими подружками, рѣвилась какъ ласпочка; пѣла какъ малиновка. Всѣ подруги любили веселую Да

рю, всѣ молодые казаки на нее за-
смахивались, всѣ спарики и спа-
рушки хвалили ее. Милая дѣвуш-
ка часто, очень часто мечтала:
вопѣ скоро возвратится любезный
Иванъ, вопѣ скоро онъ будетъ мо-
имъ: ахъ, какое счастье, какая ра-
дость!.... Но радость Даша про-
мчалась быстро какъ стрѣла, исче-
зла какъ метеоръ во мракъ ночи!

Пугачевъ полюбилъ проворнаго
Ивана, и произвелъ въ Маіоры. Ново-
пожалованный Маіоръ увидѣлъ одну
изъ Уральскихъ красавицъ и полю-
билъ ее; онъ не столько плѣнился
красотою дѣвушки, сколько ея не-
смѣтнымъ богатствомъ. Новая лю-
бовь Ивана была счастлива: онъ по-
мился не долго — предложилъ руку
красавицѣ, получилъ ея согласіе и,
не тратя времени, женился на ней.
Жестокій, безчеловѣчный Иванъ! кто
могъ подумать, чтобы ты въ столь
короткое время могъ забыть милую

Дашу? Не ты ли клялся Св. Георгіемъ, что будешь вѣчно любить ее? Не ты ли утверждалъ, что она тебѣ всѣхъ милѣе, всего дороже? Коварный, безсовѣстный человѣкъ! уже ли ты непосыдился измѣнить той, которая тебя полюбила всѣмъ сердцемъ, всей душою? Ужели ты забылъ, что есть Всевышній Судія, Который опомститъ тебѣ за нарушение клятвы и за то, что ты обманулъ преспосердечную дѣвушку? Нѣтъ, нѣтъ, друзья мои! Иванъ не измѣнилъ Дарьѣ: онъ не плѣнился другою красавицею; онъ даже никогда недумалъ о новой любви: только одна несправедливая и вымышленная пустословіемъ и злоязычіемъ молва достигла до слуха Дашы, что будто бы ея милый другъ женился — и бѣдная дѣвушка повѣрила ложной молвѣ. Легкокрылое веселье улетѣло, рѣзвая радость сокрылась: Даша начала кручиниться, начала

печалишься, стала вянуть, стала сохнущь, захворала и—слегла въ постель...

Шайка разбойника Пугачева день ото дня увеличивалась; онъ разорилъ уже нѣсколько селеній и приступилъ къ Уральску, съ тѣмъ, чтобы сжечь эшотъ городъ и всѣхъ, кто осмѣлился непризнать его Царемъ и не покориться ему — предашь мучительнѣйшей казни. Секретарями Пугачева были казаки, Уральскій Иванъ Почипалинъ, и Илецкій Максимъ Горшковъ. Сии нарушители закона соспавляли разныя возмущительныя бумаги и, подъ именемъ Императорскихъ манифесшовъ, указовъ и грамотъ, посылали оныя въ разныя мѣста и къ разнымъ лицамъ. Самозванецъ отправилъ строжайшіе указы къ Уральскому Коменданту, Полковнику Симонову, и къ Войскому Старшинѣ Маршемьяну Михайловичу Бородину, ошъ кошорыхъ требовалъ

сдачи Уральска; въ прошивномъ случаѣ, угрожалъ имъ всѣянцею и самыми мучительнѣйшими пытками. Но Симоновъ и Бородинъ, какъ вѣрные сыны опечества, неустрашились угрозъ варвара, и рѣшились защищать ввѣренный имъ городъ до послѣдней капли крови. Пугачевъ, видя неудачу въ своемъ предиріятіи, оставилъ Уральскъ и рѣшился идти къ Оренбургу. Въ слѣдъ за нимъ была выслана воинская команда; но на сей разъ счастье обратилось на споруку злодѣя: онъ разбилъ вѣрныхъ сыновъ опечества, и взялъ въ плѣнъ 12 Старшинъ Уральскаго войска, надъ кошорыми явилъ первый опытъ неслыханной люшости и жесточайшаго ширанства; предалъ несчастныхъ самой мучительнѣйшей, самой позорнѣйшей казни. Во время пути отъ Уральска къ Оренбургу, варваръ Пугачевъ все предавалъ огню и мечу. Деревни и крѣпости пылали, кровь

невинныхъ людей орошала пустынные берега быстраго Урала. Злодѣй не щадила ни пола, ни возраста: вырывала младенцевъ изъ объятій опочающихъ матерей, и убивала ихъ; какъ молодыхъ, такъ и стариковъ предавала мучительной смерти; невинныхъ дѣвъ со злобною радостью отдавала на поруганіе буйной толпѣ своей; оскверняла и разоряла храмы Божія, и ничего не почитала священнымъ. Самый адъ улыбался дѣланіямъ своего любимца! Извергъ Пугачевъ прибылъ къ Оренбургу, окружилъ его, и отъ Губернатора Рейнсдорпа требовалъ сдачи. Между тѣмъ въ станъ самозванца безпрестанно стекались казаки, заводскіе крестьяне, Башкирцы, Татяри, Чуваши, Мордва и другая сволочь. Шайка разбойниковъ умножилась до 20 т. Съ нѣкошорыхъ заводовъ были доставлены къ Пугачеву пушки, моршеры, бомбы, ядра и другіе воинскіе снаряды.

Злодѣй день ошо днѣ сильнѣе и сильнѣе приступалъ къ Оренбургу; но немогъ причинишь ему никакого вреда, почему рѣшился продолжать осаду, и голодомъ принудишь жишелей къ сдачѣ. Въ шо время, какъ Пугачевъ осаждалъ Оренбургъ, нѣкоторые злодѣи изъ его шайки разорали окрестныя селенія. Оренбургскій неслужащій казакъ Василій Торновъ превратилъ въ пепель Нагайбацкую крепость, а любимецъ Пугачева, Чика, осадилъ городъ Уфу; но немогши взять его, разорилъ многіе заводы, села и деревни. Пугачевъ ошъ Оренбурга ѣздилъ иногда къ Уралу; въ шо время, вмѣсто его, начальникомъ разбойнической шайки оставался казакъ Максимъ Шигаевъ, который производилъ неслыханныя злодѣйства, убійства и грабежи, и повѣсилъ посланнаго въ Оренбургъ, ошъ Генераль-Маіора Голицына, Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка рейтара, за шо, что сей

послѣдній нехотѣль нарушитъ при-
сяги и должной Монаршему Престолу
вѣрности.

(Окончаніе въ слѣд. книж.)

СОКРУШИТЕЛЬ ПУГАЧЕВА,

Илецкій Козакъ

И В А Н Ъ.

Оренбургская повѣсть.

(Окончаніе.)

Иванъ, служившій съ большимъ усердіемъ и ревностію самозванцу Пугачеву, получилъ отъ сего злодѣя чинъ Полковника. Онъ чрезмѣрно любилъ Дарью, и всячески желалъ увидѣться съ нею; но исполнивъ сіе желаніе не находилъ ни малѣйшей возможности, ибо Оренбургскія ворота были во всякое время крѣпко заперты и форшштатскіе жилища всѣ находились въ городѣ. Чшожь оспалось дѣлать пылкому любовнику? Онъ написалъ письмо и нашель случай переслать его къ

Дарья. Сіе письмо содержало увѣдомленіе о полученіи Полковничьяго чина, удосповѣреніе въ неизмѣнной любви и нешерпѣливое желаніе увидѣться, хотя на нѣсколько минутъ, съ предметомъ своей спраски. Дарья, получивъ это письмо, чрезмѣрно обрадовалась и забыла мучительную горечь свою; она въ самое короткое время совершенно выздоровѣла; письмо любезнаго друга подѣйствовало на нее лучше всѣхъ аптекарскихъ миксуръ, всѣхъ шинктуръ, капель, порошковъ и эссенцій. Теперь она заботилась только объ одномъ: какъ бы увидѣться съ милымъ Иваномъ; выдумывала тысячу способовъ, тысячу возможностей—и всѣ отвергала; думала, думала и наконецъ рѣшилась на самое отважное предпріятіе. Во время ночной шемнопы влюбленная дѣвушка нашла средство укрыться изъ города; но не успѣла опойши нѣсколькихъ сажень, какъ

вспрѣшилась съ разбойническимъ развѣдомъ. *Кто идетъ?* вскричали злодѣи. Дарья ужасно перепугалась. *Кто идетъ?* повторили они. Дарья ошѣ спрѣха не могла выговорить ни слова и была окружена развѣдомъ, кошорый состоялъ изъ 5 Ташаръ Каргалинкой слободы, кошорая иначе называется Сеншовскимъ посадомъ. Сии злодѣи спарались, сколько дозволяла ночная темнота, разсмошрѣвъ испуганную дѣвущку; пошомъ, чшото пошептѣавъ между собою, они схватили Дарью, связали ей руки, посадили на лошадь и повезли невѣстно куда. За чѣмъ же Дарья вышла изъ Оренбурга? Какъ за чѣмъ? Она имѣла намѣреніе пробратъся въ сшанъ Пугачева, чшобы ошыскать своего милаго друга, увидатъся и поговорить съ нимъ. Теперь она, вмѣсто свиданія со своимъ возлюбленнымъ, попала въ когти разбойниковъ, кошорые ошвели ее въ Кир-

гизскую степь, верстъ за 200 отъ линіи, къ знакомому имъ старшинѣ Джагалбалинскаго рода, Бузбешскаго опдѣленія, извѣстному богачу Тюлькѣ. Злодѣи, забывшіе честь и Всемогущаго Бога, продали несчастную дѣвушку упомянутому старшинѣ за 200 барановъ (*) и бѣдная Дарья сдѣлалась невольницею полудикаго Киргизъ-Кайсака. Къ счастью нашей дѣвушки, старшина Тюлька былъ семидесятилѣтній шарикъ, а потому онъ и не могъ быть опаснымъ для дѣвической ея добродѣтели. Дарья поступила въ прислужницы къ младшей женѣ Тюлки, по имени Лапышѣ, которая при первомъ разѣ полюбила юную невольницу, обласкала ее и увѣрила въ своей милости. Несчастливая

(*) Во время замѣшательства, произведеннаго Лугачевымъ, не только Ташары, но и Русскіе схватывали другъ друга и продавали Киргизцамъ.

дѣвушка по поволѣ должна была привыкнуть къ Киргизскому образу жизни; она скоро познакомилась съ 'башбармакомъ, каймакомъ, крупомъ, назáми, кумызомъ и айряномъ (*). Не смотря на то, что ея жизнь было довольно хорошо, она безпрестанно печалилась и часто плакала, вспоминая свою родину, свою мать и своего милаго друга. Кшожь виноватъ, любезная Дарья? Пеняй сама на себя. За чѣмъ ты желала имѣть свиданіе съ Иваномъ? За чѣмъ вышла изъ Оренбурга? Ты бы жила подъ родительскимъ покровомъ; и жила бы покойно. Теперь спрадай, шеперь

(*) Башбармакъ—мѣло искрошенное баранье мясо, смѣшанное съ небольшими кусочками шѣша; каймаки—сливки, смѣшана; крупъ—родъ сыра, имѣющаго хоща ошпрую, но довольно пріятную кислоту; казы—конскія копченныя колбасы; кумызъ—кобылье заквашенное молоко; айрянъ—кислое коровье молоко, разведенное водою.

шомись въ неволѣ, несчастная дѣвушка! оплакивай свою горькую участь и желай свободы. Но кшо знаешь, получишь ли ты драгоценную свободу? Можешь быть тебѣ не суждено уже видѣть милой родины, милой манери и милаго друга. Можешь быть ты, какъ подкошенный цвѣшокъ, увянешь безвременно и горестные дни окончишь въ пустынныхъ степяхъ Киргизъ-Кайсацкихъ? Жаль тебѣ, несчастная дѣвушка! . .

Злодѣйства разбойника Пугачева при самомъ началѣ не обращали на себя вниманія Правительсва, которое почитало ихъ незначительными и не могущими имѣть важныхъ послѣдствій; но какъ скоро сдѣлались извѣстными варварскіе замыслы его и дѣйствія, тогда Премудрая и Великая Императрица Екатерина, къ скорѣйшему потушенію сего опаснаго пожара, изволила назначить Генераль-Авшефа Библикова. Сей достойный мужъ, же-

лая оправдатель доверенность Императрицы, поспѣшно прибылъ въ городъ Казань и объявилъ Дворянству о своемъ назначеніи. При семъ случаѣ нашимъ бессмертнымъ поэтомъ Державинымъ была произнесена прекрасная, убѣдительная рѣчь, копорая имѣла самое сильное вліяніе на благородное сословіе. Помѣщики Казанской губерніи, ревнуя общему благу, изъявили единодушное желаніе вступить подъ начальство Бибикова и дѣйствовать прошиву изверга Пугачева. Екатерина, получивъ о семъ донесеніе, изволила изъявить Дворянству Высочайшую благодарность и наименовала Себя Казанскою помѣщицею. Отряженный Генералъ - Аншефомъ Бибиковымъ Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ принудилъ Пугачева оставивъ осаду Оренбурга и разбилъ варвара подъ Татищевскою крѣпостью. Къ сожалѣнію, непредвидѣнная и рановременная смерть Генерала Бибикова не дозволила ему

оковчипь дѣла, на него возложеннаго. Между тѣмъ Князь Голицынъ вшорично разбилъ Пугачева подъ Сакмарою и принудилъ удалиться въ рудокопные заводы Оренбургской губерніи. Въ семъ послѣднемъ сраженіи Иванъ былъ раненъ въ правую ногу пулею на вылетъ; но отъ сей раны скоро излѣчился. Злодѣй Пугачевъ, вмѣсто того, чшобы раскаяшьяся и обратишья се къ малосердію Великодушной Монархини, спарался о приумноженіи, разбойнической толпы и о пригошовленіи пушекъ и разныхъ воинскихъ снарядовъ. Варваръ, не ошошря на пораженіа, прешерпчнмыя имъ ошъ храбрыхъ Мансурова и Михельсона, успѣлъ разоритъ нѣсколько селеній и заводовъ, взявъ пригородокъ Осу, переправился черезъ рѣку Каму и пришелъ къ Казани. Здѣсь разбойникъ Пугачевъ былъ встрѣченъ храбрымъ и мужественнымъ Генералъ-Маіоромъ Павломъ Пошемкинымъ. Злодѣи, не надѣясь

устояшь пропиву вѣрныхъ сыновъ
 опечесства, пользуясь измѣною су-
 ковщиковъ, нашли способъ прорваться
 въ предмѣстіе города съ Арскаго
 поля и зажгли жительство. Генера-
 ль-Маіоръ Пошемкинъ, желая спа-
 сти отъ злодѣевъ Казанскій Кремль,
 вошелъ въ оный и до тѣхъ поръ обо-
 ронялся, пока не пришелъ на помощь
 городу неупомимый Полковникъ Ми-
 хельсонъ съ отрядомъ. Злодѣи, узнавъ
 о приходѣ сего отряда, кинулись въ
 поле; но три раза, въ три разные
 дни, были сильно разбишы и прину-
 дены разбѣжаться. Нѣкошорая часшь
 разбойниковъ, вмѣстѣ съ Ашаманомъ
 своимъ Емелькою Пугачевымъ, успре-
 милась къ Волгѣ, переправилась че-
 резъ оную и вачала производить ужа-
 сныя варварства. Злодѣи разорили
 и преврашили въ пепель нѣсколько
 селевій и два города, Цывильскъ и
 Курмышъ; попомъ, съ величайшею
 поспѣшностію отправились къ Ала-
 шорю.

Для искорененія бунша, для прекращенія убійства и грабительства и для поимки изверга Пугачева, былъ назначенъ, по собственному вызову, Генераль Графъ Панинъ. Между тѣмъ Пугачевъ, умноживъ разбойническую шайку, бросился къ Саранску и Пензѣ; но бывъ преслѣдованъ корпусомъ Полковника Михельсова, прошелъ оныя, устремился черезъ Пешровскъ къ Саранову и овладѣлъ симъ городомъ. Командентъ Саранова, Полковникъ Бошнякъ, сражавшись мужественно, пробился сквозь злодѣйскую шайку съ 50 человеками Офицеровъ и солдатъ и приплылъ въ Царицынъ.

Разбойники, ограбивъ Сарановъ и оросивъ улицы его кровью невинныхъ жителей, устремились къ Царицыну; но здѣсь встрѣтили сильное сопрошивленіе и принуждены были отступить. Проходя къ Черноярску по Астраханской дорогѣ, въ 40 верстахъ за Царицынымъ, злодѣи были насти-

гнушы корпусомъ двѣшельнаго Полковника Михельсона, къ которому подоспѣли на помощь Донскіе козаки. Здѣсь-то злодѣйская шолпа была разбиа на голову и Пугачевъ, съ многими приверженцами, едва успѣлъ спасти жизнь свою. Онъ, переплывъ черезъ рѣку Волгу на луговую сторону, имѣлъ намѣреніе пробраться на Сарашовскія степи, именуемыя Узенями; но судьбы Всевышняго уничтожили намѣреніе изверга.

Умственная слѣпоша нашего Ивана исчезла; онъ ясно увидѣлъ, что служилъ не Царю Русскому, а злодѣю, разбойнику, обманщику, самозванцу. Иванъ почувствовалъ сильное угрызеніе совѣсти; пришелъ въ совершенное раскаяніе и, желая загладить преступленіе свое, уговорилъ Уральцевъ Чумакова и Федулева передать Емельку въ руки правосудія; къ чему убѣдили они и другихъ козаковъ, всего человекъ до 25. Раскавшійся Иванъ и его споварищи схватили Пугачева,

связали и доставили къ Уральскому Коменданту Симонову, а сей предспавилъ его къ прибывшему въ Уральскъ безсмертному герою Суворову, имѣвшему тогда чинъ Генераль - Поручика. Пугачевъ, окованный и за крѣпкою спражею, былъ ошправленъ въ Симбирскъ, а ошшуда въ Москву, гдѣ съ сообщниками своими, за всѣ варварства и злодѣянiя, получалъ доспойную казнь (*). Иванъ и всѣ шѣ, которые предали Пугачева

(*) *Пугачевъ* чешвершованъ въ Москвѣ; голова его была взошкнута на коль, части шѣла разнесенны по чешыремъ частямъ города и положены на колеса, а послѣ на шѣхъ же самыхъ мѣстахъ созжены. *Перфильевъ* также чешвершованъ въ Москвѣ. *Чикѣ* была ошсѣчена голова въ городѣ Уфѣ, взошкнута на коль для всенароднаго зрѣлища, а шрупъ его вмѣстѣ съ эшафомъ созженъ. *Шигаевъ* и *Торновъ* повѣщены. *Плотниковъ*, *Каравасевъ*, *Закладновъ*, *Иванъ Почиталинъ* и *Горшковъ* наказаны кнупомъ, и по посшавленiи знаковъ и вырванiи ноздрей, сосланы на каторгу. См. есеншенцію, заключенную по дѣлу Пугачева.

въ руки правосудія, получили прощеніе и дозволеніе возвратиться въ свои жилищельства (*).

(*) По ссму предмету вошь чшо сказано въ 9 пунктѣ вышеудомянушой сеншенціи: „Илецкаго козана Ивана Творогова, да Яицкихъ: Федора Чумакова, Василія Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Федулева, Петра Пустобаева, Козьму Кочурова, Якова Почталина и Семена Шелудякова, въ силу Высочайшаго Е я И м п е р а ш о р с к а г о В е л и ч е с ш в а милосшиваго Манифешта, ошь всякаго наказанія освободишь; первыхъ 5 человекъ пошому, чшо, виявъ гласу и угрызенію совѣсши и возчувшвуя шяжестъ беззаконій своихъ, не шолько пришли сами съ повинною, но и виновника пагуби ихъ Пугачева связавъ, предали себя и самого злодѣя и самозванца законной власти правосудію. Пустобаева за шо, чшо онъ ошдѣлывшуюся шайку ошь самага злодѣя Пугачева склонилъ припши съ повинненіемъ, равношрно и Кочурова, еще прежде шого времени явившагося съ повинною; а послѣднихъ двухъ, за оказанные ими знаки вѣрносши, когда они были захвачены въ полпу злодѣйскую, и были подсылаемы ошь злодѣевъ въ Яицкій городъ, шо

Иванъ желалъ имѣть крылья, что бы какъ можно скорѣе быть въ Оренбургѣ. Въ продолженіи пути ему казалось, что время течетъ очень медленно; онъ изчислялъ дни, часы и минуты, которыя должно было провести въ дорогѣ. Любовь не давала покоя неперпѣливому Ивану; она пылала въ немъ съ новою силою и образъ милой Даши не оставлялъ его ни на минуту; онъ мечталъ объ ней на лву; онъ видѣлъ ее во снѣ; онъ не зналъ еще о несчастіи бѣдной дѣ-

они приходя шуда, хоши опешашь опъ шолпы опасались, однако возвъщали всегда о злодѣйскихъ обстоятельстввахъ и о приближеніи къ крѣпости вѣрныхъ войскъ; и пошомъ, вогда разрушена была злодѣйская толпа подѣ Лицкимъ городомъ, шо сами они къ военновачальнику явились. И о семъ Высочайшемъ милосердіи Ея Императорскаго Величешва и помилованіи сдѣлашь имъ особое объявленіе чрезъ опряженнаго изъ собранія Члена сего Генваря 11 дня, при всенародномъ зрѣлищѣ предѣ Гравовишою Палатою, гдѣ и сняшь съ нихъ оковы.“

вухки. Время шекло; пушь Ивана продолжался. Въ одно утро сердце молодого козака сильно зашрепетало; взоръ заблещалъ радостію и огненный румянецъ разлился по щекамъ его; — глазамъ Ивана показались въ отдаленности куполы церквей и стѣны Оренбурга. Нешерпѣливый любовникъ взѣхалъ уже въ предмѣстіе форштата и встрѣтился съ однимъ изъ своихъ давнишнихъ друзей. Первый вопросъ Ивана былъ о милой Дарьѣ и первый отвѣтъ его друга былъ о несчастіи Дарьи. Какое извѣстіе для Ивана! Пріятнѣйшія надежды его исчезли; пылкія мечты молодости улещѣли; обманчивая радость сокрылась; — печаль и горесть опуманили развеселившееся лице молодого любовника. Иванъ явился къ роднымъ своимъ, которые привѣтали его съ величайшею радостію. Ни предметы милой родины, ни ласки вѣжныхъ родныхъ, не могли развеселить, не могли ушѣшить печальнаго

и огорченнаго Ивана; онъ безпрестанно думалъ о прекрасной Дарьѣ и горѣлъ желаніемъ освободить ее изъ пляжкой неволи. Прошло уже 2 мѣсяца съ шѣхъ поръ, какъ Иванъ возвратился въ Оренбургъ; онъ наконецъ придумалъ средство, могущее послужить къ освобожденію милой Дарьи. Сіе средство состояло въ томъ, что нешерпѣливый любовникъ уговорилъ нѣсколько отважившихся удаальцевъ изъ своихъ поварищей и нѣсколько Каргалинскихъ Ташаръ, съ кошорыми тайнымъ образомъ отправился въ Киргизскую степь. Въ тогдашнее время черта Оренбургской линіи не имѣла нынѣшняго устройства и самовольные переѣзды черезъ границу были очень обыкновенны. Иванъ отъ всмѣртившихся Киргизцевъ развѣдалъ о всѣхъ подробностяхъ, относящихся къ старшинѣ Тюлкѣ и къ прелестной его невольницѣ. Наши удаальцы ѣхали со всевозможною поспѣшностію; Киргизскіе

спени были имъ такъ извѣсны какъ почталіону большая столбовая дорога, по которой онъ проѣзжалъ уже до 50 разъ. Въ исходѣ 5-го дня Ивацъ и его поварищи приближались къ ночевью старшины Тюлки и рѣшились дожидаться ночи. Солнце закатилось, вечерняя заря разлилась по лазуревому своду; звѣзды заиграли на чистомъ небѣ; луна распространила блѣдный свѣтъ свой... Наступила полночь. Козаки и Ташары грозно грянули на Киргизскій аулъ; опрокинули нѣсколько кибитокъ и привели въ ужасъ сонныхъ Киргизъ-Кайсаковъ. Раздался крикъ; раздался вой; раздался громогласныя восклицанія: Алла! Алла! Худай ярлыка (*)! Опыажное предпріятіе неуспрашимаго Ивана увѣнчалось счастливымъ успѣхомъ: онъ опыскалъ милую Дарью; не теряя вре-

(*) Алла! Алла!.. Худай ярлыка! Боже! Боже! Господи помилуй!

мени посадилъ ее на заводную лошадь, и вмѣстѣ съ путешественниками своими оставилъ разструганные кочевья. Козаки не прикоснулись къ имуществу Киргизцевъ; но корысполюбивые Ташары не оставили пожвигшья нѣсколькими халатами, нѣсколькими коврами и шому подобнымъ. Обратный путь Ивана былъ очень веселъ: онъ ѣхалъ рядомъ съ Дарьей; онъ безпрестанно смотрѣлъ на Дарью; онъ описывалъ свои приключенія Дарьѣ; онъ слушалъ рассказы Дарьи. На седьмой день счастливыя любовники были уже въ Оренбургъ.

Черезъ недѣлю послѣ возвращенія въ Оренбургъ, Иванъ послалъ сваху просить руки Дарьиной. Сваха пришедъ въ домъ Дарьи, помолилась Святымъ иконамъ и поклонилась на все чешыре спироны; потомъ, по старинному обыкновенію, съѣла на лавку прошиву самой *матницы* и объявила

о причинѣ своего прихода. Мать Дарья, не думая долго, дала слово—и въ шопъ же день назначено быть рукобитью. Наступилъ вечеръ. Къ Дарьѣ, по приглашенію ея матери, собрались подружки, красныя дѣвушки; пошомъ явился женихъ со свахою и родственниками своими и сѣлъ за длинный столъ, въ передній уголъ. Изъ за занавѣса выступила невеста, поклонилась гостямъ и жениху; сему послѣднему поднесла на шарелкѣ платокъ, за который получила отъ него серебряный рубль; послѣ того сѣла съ женихомъ рядомъ; по споронамъ ихъ устѣлись свахи и родственники. Матери Дарьиной женихова сваха поднесла спаканъ зеленого вина, который спарушка приняла и начала пить. Въ то время дѣвушки запѣли:

Машушка пей,

Да меня не пропей—

Дочь свою любимую,

Дочь свою послушную,

Дочь свою Дарьюшку,

Да по башюшкѣ Андрееву ! .

Машушка! пей,
Да меня не пропей!..

Когда шарушка окончила спаканъ, тогда всѣ гости принялись за рюмки и за серебряныя чарки; началась пирушка, кошорая продолжалась око-ло прехъ часовъ; потомъ гости вспали изъ за стола, помодились Святымъ иконамъ и отправились по домашъ своимъ. Дѣвушки пошли провожать жениха и дорогою пѣли и повшорали слѣдующее:

Взвѣйте же вы,
Буйные вѣтры!
Снесите же вы
Съ горъ бѣлыя снѣги,
Чтобъ наши гости
У насъ посидѣли,
У насъ посидѣли,
На насъ поглядѣли!
Взвѣйте же вы.. и проч.

Послѣ того каждый вечеръ нача-лись шакъ называемые вечерки, кошорые состоятъ въ томъ, что женихъ приходитъ къ невѣстѣ; са-дидся съ нею за занавѣсъ, между

шѣмъ дѣвушки веселятся, играють съ молодцами въ фаншы, поють пѣсни, пляшуть и проч. Такимъ образомъ протекла цѣлая недѣля; наступила суббота,—день дѣвишника. Дѣвушки отправились къ жениху за мыломъ; попомъ вмѣстѣ съ невестою пошли въ баню, гдѣ ей расплели темнорусую косу; возвратясь отсюда поѣхали на кладбище; тамъ невеста заплакала надъ могилою своего отца.

Наступилъ вечеръ. Въ домѣ невесты собрались гости и начался дѣвишникъ, то есть пирушка, которая продолжалась до полуночи.

На другой день, послѣ обѣдни, другъка пріѣхалъ въ домъ Дарьи; спросилъ гошова ли невеста и, получивъ утвердительный отвѣтъ, удалился. Вскорѣ послѣ того онъ пріѣхалъ въоручно съ женихомъ и со всѣмъ поѣздомъ. Невѣста сидѣла уже за столомъ; подлѣ нея находился семи или осмилѣтній мальчикъ, со скал-

кою въ рукахъ, который долженъ былъ продавать дѣвичью косу. Мальчикъ, получивъ отъ дружки нѣсколь- ко денегъ, удалился, а на мѣсто его сѣлъ женихъ со свахою и повѣзжанами. Дружка напомнилъ, что время уже вхашъ въ храмъ Божій; почему всѣ изъ за стола вышли и начали молишься Святимъ иконамъ.

Мать Дарьи и, вмѣсто отца, одинъ изъ родственниковъ ея, благословили невесту и жениха образомъ Св. Николая Чудошворца, хлѣбомъ и солью. Невѣста, покрывая шапою, сѣла со свахами въ шелѣгу, а женихъ, съ тысячникомъ и большимъ бояриномъ, въ другую; дружка же верхомъ — и всѣ отправились въ церковь. Между тѣмъ въ домъ жениха была доставлена постель невесты и все ея приданое. По совершении брачнаго обряда, невесту привезли къ жениху и они оба заняли мѣсто въ переднемъ углу; по сторонамъ ихъ сѣли дружка, свахи, повѣзжане и при-

глашенные гости. Длинный дубовый столъ былъ накрытъ бѣлою скатертью. Дружка закричалъ громкогласно: *Поварушка матушка! встань на куньи лапки, достань до судной лавки: что есть въ печи, все на столъ мечи!* Вмигъ появились на столъ большіе круглые пироги, огромныя части жаркаго, соленые окороки, запеченные въ тѣстѣ и проч. и проч. Застучали стаканы, рюмки и серебряныя чарки. Зеленое вино полилось рѣкою. Дружка кричалъ безпреставно: *за здоровье князя новобрачнаго и княгини новобрачной — кушайте, гости!*

Оренбургскіе козаки, сколь храбры противу злодѣевъ Киргизцевъ, столь же неустрашимы и противу даровъ вѣчноюнаго Вакха. — Вскорѣ лбы ихъ покраснѣли, носы побагровѣли, щеки запылали румянцемъ. Острыя шупки посыпались, слова полились рѣкою; громкій хохотъ раздавался безпреставно. Развеселившіеся старики, разглаживая закрученные усы

свои и дливныя бороды, по которымъ
шекло вино и масло, распросенными
голосами зашянули слѣдующую пѣ-
сню :

Козаки свой умъ имѣють,
Жизнь прекрасную ведутъ;—
Пикой, саблею владѣють
И горѣлку славно пьютъ !

Со врагомъ козакъ сразился,—
Побѣдишь врага за разъ;
Еслижь вздумаетъ нацѣпиться,—
То нацѣпится на заказъ !

Для Киргизца лиходѣя—
У него гошовъ арканъ;
Для горѣлки чудодѣя—
У него гошовъ спаканъ.

Съ пикой, саблею и водкой
Онъ умѣешь въ дружбѣ жить;
И съ молоденькой красоткой
Онъ умѣешь пошалить.

•
Есть враги,—съ врагами бьешся—
И враговъ онъ вмигъ побьешъ;
Есть вино,—онъ вмигъ напьется—
Топчасъ пѣсни запоешъ!

•
Козаки свой умъ имѣюшъ,
Жизнь прекрасную ведушъ;—
Пикой, саблею владѣюшъ
И горѣлку славно пьюшъ!

Петръ Кудряшевъ.

Оренбургъ.
